

П. П. Стрелков

**Непредвиденное
путешествие**

Петр Петрович Стрелков

Непредвиденное путешествие

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28988167

*Непредвиденное путешествие. Стрелков П.П. – М.: , : Товарищество научных изданий КМК; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907326-5-0*

Аннотация

Рассказы об экспедиционных происшествиях и эпизодах жизненного пути известного зоолога Петра Петровича Стрелкова (1931–2012). Вырисовывается портрет российского интеллигента второй половины прошедшего века, человека с глубокими петербургскими корнями, трудным детством военного и послевоенного времени, счастливой жизнью ученого, всю жизнь работавшего по призванию, а не карьеры ради, человека с признанными за рубежом научными заслугами и весьма скромной зарплатой научного сотрудника Академии наук, горожанина, страстно любившего природу и неплохо знавшего и любившего деревню, наконец, писателя-лирика. Книга может быть интересна широкому кругу читателей.

Содержание

О Петре Петровиче Стрелкове	5
Трактат о хождении в гости	11
В трех соснах над Капланкыром	18
Белое солнце Бадхыза	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Петр Стрелков **Непредвиденное** **путешествие**

О Петре Петровиче Стрелкове
(1931–2012)

Не все возможности личности исчерпывают профессиональные занятия. Бывает, что оказываются не удовлетворены иные душевные склонности, способности и умения человека. Так было у Петра Петровича, чьим призванием была зоология. Областью его профессиональных интересов были рукокрылые (Chiroptera, летучие мыши), которыми он занимался в Зоологическом институте Российской академии наук в Санкт-Петербурге всю жизнь, и стал со временем ведущим специалистом по рукокрылым всей советской Палеарктики.

Научные публикации Петра Петровича известны далеко за пределами России, на его работы в рецензируемых изданиях на 9.12.2012 дано более 746 ссылок. Он был редактором научного журнала *Plecotus et al.* Его именем назван новый вид рода ушанов (Ушан Стрелкова, *Plecotus strelkovi* Spitzenberger, 2006). Для зоологов – это высший знак признания. Изучая летучих мышей, Петр Петрович исколесил как участник и руководитель зоологических экспедиций всю Европейскую часть России, Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению, Кавказ и Закавказье. Помимо профессиональных занятий у него в жизни было два увлечения – охота, страстью к которой он заразился в 14 лет, и писательство, которым он начал заниматься позднее. Он не был обделен чувством юмора, и его первый литературный опыт, который я помню, пронизан этим чувством. В пору безденежья, собравшись в дом, куда был зван, и, не желая явиться туда с пустыми руками, он написал веселый “Трактат о хождении в гости”. Хозяйева оценили подарок. Шуточная вещь удалась ему. Любопытно, что она попала в самиздат, где стала фольклором, без фамилии автора и без устойчивого текста – передававший ее, добавлял в нее или удалял из нее кто, что хотел. В эру Интернета нашлись и любители приписать ее авторство себе. Недавно авторский оригинал был обнаружен и, на беду самозванным сочинителям, все сомнения, если они у кого были, отпали. О своих охотничьих и экспедиционных приключениях Петр Петрович ча-

стично уже рассказал в имевших успех книжках: “В поисках летучих мышей” (Л., 2007) и “Цена трофея” (Л., 2007, http://lit.lib.rU/s/strelkow_p_p/text_0010.shtml). Другие, как смешные, так и поучительные истории, связанные с работой в полевых условиях, были обнаружены в его компьютере после кончины. Они представлены в настоящем сборнике. Круг его тем широк. Кроме экспедиционных происшествий здесь лирические воспоминания о детстве и о близких людях, таких как вырастившая его бабушка (“Добрый гений нашей семьи”, “Печальные вестники”). Лагая по пещерам, он думает не только о летучих мышах, но и о монахах, некогда их населявших. У него был особый подход к изображению людей, да и зверей. Он состоял в стремлении к документализму, отказу от вымысла. Даже если в том, что он писал, просматривается подтекст, например, образы летучих мышей предстают как предвестники смерти, в основе лежит реальное событие.

Когда друзья и родные решили издать сборник его рассказов, все были согласны в том, что «Непредвиденное путешествие» занимает особое место, во-первых, по теме – человек на грани жизни и гибели, во-вторых, потому, что это последнее произведение Петра Петровича как литератора. В сборник вошли некоторые из ранее опубликованных рассказов, тематически перекликающиеся с этой историей, три поздних рассказа Петра Петровича, ранее опубликованные в труднодоступных изданиях, и репортаж журналиста Романа Евгеньевича Грузова о событиях, описанных в истории «Непред-

виденное путешествие».

Ю. Л. Кроль

Трактат о хождении в гости

Острые запросы современности за последнее время выдвинули на передний план новую, но чрезвычайно актуальную область знания – изучение ТОСТЕВЕДЕНИЯ”. В настоящем трактате мы попытаемся осветить некоторые основные проблемы и понятия этой, пока еще мало известной совет-

ской общественности науки.

Определим сперва предмет наших изысканий:

Тостеведение” – это наука о хождении в гости как явления в общественном его становлении, развитии и распространении, его вредоносности и мерах борьбы с ним.

Гость – лицо, покушающееся на покой, личное имущество и здоровье хозяина.

Хозяин – лицо, являющееся объектом домогательства гостя.

Хождение в гости – явление социальное, уходящее своими корнями в глубокую древность. Ходили ли люди в гости в эпоху раннего первобытнообщинного строя? На это мы можем ответить отрицательно. В те далекие времена, времена юности человечества, существовал наивный и мудрый обычай – съедать своих гостей, если таковые появлялись. Эта милая привычка до последнего времени сохранилась у аборигенов Соломоновых островов.

Хождение в гости, как общественный недуг, появилось вслед за частной собственностью. Первопричиной явления, как и прочих общественных бедствий, как то: воровство, сутенерство, бандитизм и шантаж, явилось имущественное неравенство людей. Однако, хождение в гости не есть привилегия какого-нибудь одного класса, нет. Патриций и плебей, хозяин и раб, буржуа и пролетарий, профессор и студент – все они являются жертвами и агрессорами, т. е. хозяевами и гостями. Гости уже проникли всюду: они ворвались

в грязную и прокуренную комнату холостяка и в семейную спальню. Гости кишат на похоронах и крестинах, свадьбах и поминках. Ряды гостей пополняются все новыми и новыми кадрами. Как инфекционная болезнь явление ширится и растет, оплетая щупальцами спрута все стороны общественной жизни. Известно, например, что у ряда народов (так называемых “хлебосолов”) независимо от их общественного строя, географической среды и плотности народонаселения, хождение в гости приняло размеры национального бедствия, так как толпы алчных гостей опустошили тучные ранее нивы, отрясли обильные некогда сады и в корне подорвали животноводство. Именно поэтому мы намерены серьезно обсудить некоторые вопросы систематики, экологии и хозяйственное значение гостей, а также меры борьбы с ними.

Гости многообразны по своим вкусам, психике, конституции и вредоносности. Нам кажется, что естественная систематика гостей должна строиться на выделении двух больших групп: 1) не приносящие подарки и 2) приносящие подарки. Гости, приносящие подарки, эволюционно более молодая, наиболее лицемерная, а потому особо опасная категория. Подарок – это способ мимикрии, камуфляж, мелкая подачка, которая должна усыпить твою бдительность. Так матерый капиталист Уолл-стрита, загребая кровавой лапой миллиардные прибыли, швыряет порой в серую толпу эксплуатируемых горсть медяков.

Вкратце о подарках. Каждый гость норовит добыть пода-

рок подешевле. В этом стремлении он не останавливается ни перед чем. Особенно охотно гость дарит съестное, в надежде поживиться самому. Здесь его не останавливают даже траты. Специально для подарков, не подвергающихся съедению, отечественная промышленность выпускает вазочки, портсигары, записные книжки, одеколон, самопишущие карандаши, чайные чашки и мраморных слонов. Необходимо еще отметить, что гости бывают пьющие и непьющие. Последние разборчивы в пище, норовят схватить лучший кусок и, как правило, моралисты, что усугубляет их вред. Гость пьющий – попроще. Он без разбора ест и пьет все имеющееся на столе, даже предметы мало съедобные. Любимыми напитками являются – водка, вина, спирт, денатурат, а в исключительных случаях, даже отработанный проявитель. Этот гость простодушнее и добрее.

Наиболее безобидная форма гостей – молодожены, не имеющие собственной жилплощади. Эти просто стремятся выжить тебя из комнаты.

Гости наносят человечеству вред много больший, чем аферисты, взломщики, шулера. Несмотря на это, гость, в отличие от них, находится под покровительством закона. Придя к тебе, гость отнимает драгоценное время, которое ты мог бы тратить на сон или иные забавы. Но этого мало. Гость целиком лишает тебя таких радостей одиночества как почесывание спины и др. мест, хождения голышом и т. д. Гость необычайно прожорлив, он стремится съесть не только ваш

обед, но и обед вашей жены. Что он не съест, он утащит или испортит. Гости бьют рюмки, тарелки, ломают столы и стулья, люстры и вывинчивают лампочки в уборных. Совать окурки в пепельницу гость органически не способен, предпочитая им тарелки с закусками и чайные чашки. Подвыпивший гость запирается в уборной и засыпает там, причиняя немалый ущерб окружающим. В этих случаях особенно страдают ванны, умывальник и большие цветочные горшки. Еще пьяные гости выкидываются в окна, падают с лестниц и учиняют драки. И хоронит хозяин бездомных за свой счет. Меры борьбы с гостями еще очень несовершенны. Вкратце остановимся на некоторых из них.

Меры пассивные:

1. Не допускать гостей в дом, а допустив, не кормить их. Но гость жаден, голоден и длительная осада, связанная с длительным постом, может пагубно отразиться на здоровье самого хозяина.

2. “Способ Демьяна” – надо самому позвать гостя и перекармливать его. Но нынешний гость практически ненасытен.

3. В ответ на один визит нанести их два или три, т. е. поставить вашего гостя в незавидное положение хозяина. Подобных способов очень много. Мы не можем рекомендовать такие мало достойные мероприятия как тайные плевки в пожираемую гостем пищу и писание неприличных слов на спинах подвыпивших. Эти способы – пути, заслоняющие основную задачу – полное искоренение гостей. До сих пор мы оста-

навливались только на вредной стороне деятельности гостей. Будет несправедливо, если не будет отмечена и некоторая приносимая ими польза: если у вас имеются залежалые продукты, зовите гостей. “Лучше в вас, чем в таз“, гласит народная мудрость. Прием гостей вырабатывает смекалку и мужество, меткость глаза и силу удара. Если с вами живет противная родственница, чьей комнатой вы хотите завладеть, зовите почаще гостей, и ордер уже лежит у вас в кармане.

Таким образом, существовать вовсе без гостей человечеству трудно, „гость – как воздух“, говорит восточная поговорка. “Вдохнуть его так же необходимо, как и выдохнуть“. В заключение нам хочется отметить, что и в этом случае мы видим проявление великого принципа единства противоположностей в явлениях природы и общества.

В трех соснах над Капланкыром

Даже по туркменским понятиям, солнце в тот майский день палило нещадно. Не только рубашка, но даже мои брюки промокли от пота, пока я лазал по раскаленным чинкам (глинистым обрывам) Капланкыра. К вечеру все мои помыслы сводились к драгоценной канистре с водой, что оставалась в лагере. Когда я, наконец, к ней прильнул, топил большими глотками прямо из горла, так что струйки воды текли по подбородку, груди, и затекали в штаны. Вода в канистре за день нагрелась и отдавала какой-то химией, но это не портило наслаждения.

Утолив первую жажду, я принялся кипятить чай. Есть не хотелось, только пить. Крепко заваренный чай с сахаром был самым желанным и прекрасным напитком. Тут уж я не торопился, растягивал удовольствие и незаметно выпил два солдатских котелка. К концу чаепития моя утроба так наполнилась водой, что в ней булькало.

Солнце, между тем, быстро опустилось за край обрыва. Бесконечные просторы унылых такыров и солончаков, что раскинулись у подножья Капланкыра, ненадолго озарились феерически красным закатным светом и начали быстро темнеть. Как всегда в Каракумах, дневная жара резко сменилась прохладой, во влажной одежде мне стало зябко. Пора было готовиться к ночлегу.

Я путешествовал один, налегке, палатку с собой не возил и ночевал всегда под открытым небом. Приготовиться ко сну

было несложно: разостлать спальный мешок на гладком месте, чтобы неровности глинистой почвы, камни и колючки не мучили ночью тело. Подходящая площадка нашлась только метрах в сорока от лагеря, а точнее – от потухшего кострища и небольшой кучки походного имущества, сброшенного с доставившей меня машины. Перетаскивать все барахло к месту ночевки было лень да и не казалось необходимым. – «Завтра перенесу» – решил я, стянул с себя пропотевшую, местами жесткую от соли одежду, умылся и гольшом залез в спальный мешок, еще хранивший дневное тепло.

Во время одиноких ночевок особенно вписываешься в окружающую природу и ощущаешь себя ее частицей. Хорошо думать об этом в уюте спального мешка те короткие минуты, пока не уснул. Приятно сознавать, что на много километров вокруг ты один, других людей нет. Сладко ноют натруженные мышцы и суставы. Тихо до звона в ушах, а над твоим лицом, в быстро темнеющем небе, проступают звезды. На душу снисходит особое умиротворение, с ним ты проваливаешься в сон и хранишь его до утра.

Так было и на этот раз, но, против обыкновения, ночью я проснулся. Остро хотелось избавиться от лишней жидкости. Я обругал себя за то, что перепил чая, но медлить с исполнением желания было невозможно. Спросонья я вскочил, бурно справил малую нужду и юркнул обратно в спальный мешок.

Сон не возвращался. Теперь меня томило противополож-

ное желание – опять хотелось пить. Такое случается, когда теряешь на жаре очень много влаги. Канистра с водой оставалась в лагере. Вставать и идти туда смертельно не хотелось, но жажда не унималась. Воображение назойливо рисовало, как с бульканьем льется вода из канистры и я приникаю губами к полной кружке.

Желание пить пересилило лень, я опять вылез из спальника. Неожиданно сильный ветер обдал холодом разнежившееся тело. Стояла кромешная тьма, необычная при ясном небе. Была та редкая ночь, когда молодая луна еще не народилась и свет ее вовсе не достигал земли. Под ногами и над головой было почти одинаково темно, только мерцали и будто качались на ветру в небе звезды. Я жмурился, а потом широко открывал глаза, стараясь приучить зрение к темноте, но ничего не получалось. Не видно было собственной руки. Я сунулся под изголовье спального мешка, но ни фонарика, ни спичек на обычном месте не оказалось. Они были забыты мною в кармане рюкзака.

Как слепой, ощупывая босыми ногами землю, я осторожно двинулся в сторону моего лагеря. Идти на ощупь было крайне неудобно, приходилось вилять между куртинками колючих кустарничков и выбоинами, то и дело возникавшими на пути. Таким способом я прошел достаточное расстояние и уже должен был выйти к нужному месту, но его все не было. Я не сомневался, что мои вещи рядом, в нескольких шагах от меня, и стал делать небольшие круги и восьмерки.

С помощью этих маневров я рассчитывал задеть ногой канистру или рюкзак. Увы, мои ноги встречали лишь пустоту и колючки.

Покрутившись так некоторое время, я стал думать, что еще не достиг нужного места. Шагов через десять-пятнадцать в первоначальном направлении я опять стал шарить вокруг, но мои вещи исчезли, будто заколдованные. Я начал сердиться, потерял осторожность, и больно занозил ногу. Пришлось сесть и на ощупь вытаскивать из пальца колючки. Пить к тому времени мне почти расхотелось. Было холодно и неудобно в крошечной черноте ветреной ночи, я решил не искать дальше канистру, а возвращаться к спальному мешку.

Не тут-то было! Сколько я ни крутился в том месте, где рассчитывал найти спальный мешок, он тоже исчез. Несколько раз я менял направление поисков, закружился и почувствовал, что потерял ориентировку и уже не представляю себе, где и что вокруг меня находится.

Пропавшее имущество и постель без сомнения находились неподалеку, но оставались недосыгаемыми. Более глупого происшествия со мной еще не случилось. Меня переполняли обида и чувство злобного бессилия. Я громко ругался, поминая ночь, темноту, Капланкыр и родителей начальника, который меня сюда направил.

Преимущества одиночества уже не казались столь очевидными, да и частицей окружающей природы, как давеча, я себя больше не ощущал. Что может быть чужероднее для

ночной пустыни, чем голый, беспомощный и злобно матерящийся человек? Зрителей вокруг быть не могло, но отсутствие одежды почему-то особенно меня угнетало, рождало чувство крайней униженности и незащищенности.

Конечно, можно было провести остаток ночи в ямке под кустиком. Май – не зима, не пропаду. Но радости перспективы такой ночевки не доставляла. Неожиданно холодный ветер прохватывал до костей, зубы давно уже выбивали чечетку. Главное же, не хотелось смиряться с обидной потерей своей постели.

Браться за поиски надо было спокойно, хорошо подумав и призвав на помощь весь свой опыт. Единственным ориентиром для меня мог служить обрыв, близ края которого был расстелен мой спальный мешок. Мысленно я представил себе карту северных Каракумов: плато Капланкыр тянется примерно с севера на юг и обрывается чинком в сторону запада. Но чинк может делать местные изгибы, не показанные на мелкомасштабной карте, и вовсе не обязательно находится от меня в строго западном направлении. Судя по холоду, который нес ветер, он скорее всего дул с севера. Я нашел на небе полярную звезду и по ней определил стороны света. Ветер был северо-восточный, из Сибири. Когда я вылез из спального мешка и отправился искать канистру, ветер дул на меня справа-спереди, а обрыв находился сзади и слева. Значит, искать его нужно на юго-западе, примерно по ветру.

Вооруженный навигационными расчетами, я почувство-

вал себя уверенней. Довольно долго я брел в выбранном направлении и вдруг ощутил, что впереди что-то переменялось. До боли всматриваясь в темноту и осторожно ощупывая впереди землю, я понял, что стою на краю обрыва. Еще шаг, и я покатился бы вниз.

Я отпрянул назад, но обрадовался. Обрыв был найден, а мой спальный мешок лежал не далее, чем в десяти метрах от его края. Но в какую сторону от той точки обрыва, к которой я вышел? Это можно было решить только опытным путем.

Строго контролируя свой путь по звездам и ветру, я стал двигаться вдоль обрыва галсами: отходил от него под прямым углом шагов на двадцать и вновь возвращался обратно. Чтобы не пропустить цель, промежутки между параллельными ходками я старался делать не больше двух-трех шагов. Понятно, что такой способ поисков был не быстрым.

Сперва я двигался вдоль чинка в северном направлении. Прошло порядочно времени, но ни на спальник, ни на рюкзак с канистрой я не наткнулся. Пришлось повернуть на юг и двигаться галсами в обратном направлении. Скрючившись от холода, я упорно продолжал «вытаптывать» потерянное имущество. Оно как сквозь землю провалилось.

Я начал бояться, что во время первоначальных беспорядочных поисков отошел слишком далеко от нужного места и теперь обнаружить его будет очень трудно. Мною двигала уже не надежда на успех, а упрямство и уязвленное самолюбие. На холодном ветру злость скоро выдохлась и сменилась

горькой жалостью к себе. Мне вспомнились трагические истории о полярниках, что погибали в пургу чуть не на пороге своего жилища, и я находил много общего в нашей скорбной участи.

Наконец, моя настойчивость была вознаграждена. Сделав очередной шаг, я ощутил под ногой влагу. В недоумении я ощупывал неуместное в пустыне мокрое пятно, и тут меня обожгла радостная догадка: «Да это же мое, это я сделал!» И действительно, потоптавшись вокруг, я наткнулся на мягкий бок моего спальника. Не просто постели, а вожделенного дома среди ночной пустыни, так легкомысленно мною оставленного.

Я забрался в мешок с головой, затянул молнию и сжался в комочек, чтобы быстрее согреться. По-прежнему снаружи гудел ветер и шуршали по оболочке спального мешка поднятые ветром песчинки. Эти звуки уже не казались враждебными и только подчеркивали уют обретенного убежища.

Пережитое приключение теперь представлялось мне с комической стороны. «Молодец чай, это он меня спас!» Я тихонько хихикал, вспоминая свои недавние страдания. Нет, лавры заплутавших полярников были явно не по мне, весенние Каракумы не Арктика, а исчезнувший спальник – не чум или снежная иглу. Куда ближе казалось приключение инженера Шукина из «Двенадцати стульев» – он должен был испытывать сходные с моими переживания, когда метался голым у захлопнувшейся двери собственной квартиры. Рас-

скажешь кому, что искал постель по звездам – поднимут на смех. Это же надо суметь заблудиться в трех соснах!

Подумав, я решил, что к моему случаю эта поговорка не применима. Как не хватало мне этих пресловутых сосен, хотя бы даже одного дерева или телеграфного столба. На фоне звездного неба они были бы заметным ориентиром, и обидного происшествия не могло бы случиться. Хорошо еще, что у края чинка устроился, иначе прогулял бы всю ночь, а то и шею сломал, шагнув в темноте с обрыва.

Впрочем, рассуждения о соснах на лишенном древесной растительности Капланкыре были лишь фиговым листом для прикрытия собственного разгильдяйства. Когда ночуешь в поле один, да еще в дикой местности, все имущество следует держать в одном месте, а фонарь и спички всегда должны быть под рукой. Тогда и сосны не понадобятся.

Белое солнце Бадхыза

На кордон Кызылджар нас привезла красная пожарная машина, куда мы были втиснуты втроем на одно законное место. Почему столь необычный транспорт использовался то-

гда в Бадхызском заповеднике, сказать не могу. Но мы были счастливы, так как ждать okazji пришлось несколько дней.

Была середина мая. Уже больше недели, как мы приехали в южную Туркмению из прохладного весеннего Ленинграда, и все не могли нарадоваться горячему солнцу. Настоящее тепло, по здешним понятиям, еще не наступило.

Утром я встал с восходом солнца, чтобы совершить маршрут вдоль длинного сухого оврага, давшего название кордону. Кончался он знаменитой впадиной Ой-Ерландуз, высохшим дном соленого озера. Увидеть эту достопримечательность и познакомиться с природой окрестностей Кызылджара и было моей главной целью.

Хорошо идти по утренней безросной прохладе Бадхыза. То же думал и молодой пес с кордона, который решил меня сопровождать. Ростом эта туркменская овчарка была с молочного теленка, но доверчивость и ласковость выдавали ее щенячий возраст – около полугода. Я не был уверен, что овчаркам разрешается свободно гулять по заповеднику, но прогнать ее не смог. Собака жизнерадостно трусила впереди, не обращая внимание на мои проклятия и демонстративное метание камней.

Первым интересным животным, которое я увидел, оказался стервятник. Птица сидела на краю пещеры, уходившей в крутую стену оврага. Ее странный облик – желто-оранжевая голая голова с пышным париком светлых перьев на затылке – не вызывает в зоопарке симпатий. Здесь же, на свободе,

стервятник выглядел внушительно и почти красиво. Когда я подошел совсем близко, он поднялся в воздух и стал закладывать широкие круги над оврагом.

Я полез искать гнездо стервятника. Пещера была явно сделана рукой человека, на стенах остались следы орудий, высекавших подземелье в плотном слое лесса. Кто соорудил это жилище в таком негостеприимном ныне месте? Наверное, люди ушли, когда высохла питавшая их жизнь вода, некогда бежавшая по оврагу. Позже я узнал, что возраст пещеры в Кызылджаре около семи тысяч лет и она старше египетских пирамид.

Гнездо стервятника действительно обнаружилось в пещере: в центре беспорядочной кучи сухих стеблей и веток лежало единственное, но очень крупное яйцо. Вокруг валялись куски панцирей черепах и высохшая голова варана – остатки падали, которой питалась птица.

После осмотра пещеры я неторопливо пошел вдоль верхней кромки оврага. Вправо и влево расстилалась слегка покатая равнина, покрытая зарослями ферулы. Это зонтичное травянистое растение считается достопримечательностью Туркмении: высотой оно достигает роста человека, а толщина узловатого стебля руки взрослого мужчины. Сухие стебли ферулы издавали специфический, как будто «звериный» запах. А может быть, так казалось из-за обилия вокруг крупных животных, которыми славится Бадхызский заповедник.

В пределах видимости то в одиночку, то небольшими табунками появлялись куланы – главная гордость Бадхыза. Несколько раз я испугивал на склоне оврага муфлонов. Особенно запомнилось их бегущее лавиной стадо. Оно быстро скрылось за поворотом, но долго еще был слышен топот сотен копыт и шум катившихся по склону камней.

Больше всего мне нравились джейраны. Необычайно грациозны и изящны эти антилопы, еще недавно многочисленные во всех пустынях Средней Азии. Так было до начала массового автомобилизма, потом браконьерская охота с машин почти истребила этого прекрасного зверя. А в окрестностях Кызылджара его было много. Одна самочка джейрана поднялась с лежки совсем близко от меня, отбежала недалеко, остановилась, и мы долго рассматривали друг друга.

Рядом я нашел останки ягненка, недавно растерзанного хищником: будто игрушечную голову, обрывки шкуры и чуть толще карандаша ножки с блестящими черными копытцами.

Прошло несколько часов, когда я обратил внимание на странное поведение собаки. Давно уже она не бежала впереди меня, а плелась далеко позади. Передвигалась собака короткими перебежками: преодолев метров пятьдесят, она залегала в жиденькую тень кустарничков и делала новый рывок только после того, как я уходил далеко вперед. Затем перед очередной пробежкой пес стал жалобно выть и явно отказывался идти дальше. Устать до такой степени собака не мог-

ла. Я шел медленно, подолгу задерживался для фотографирования и разглядывания интересных животных и растений. С трудом до меня дошло, что щенку стало слишком жарко, а подушечки его лап начала обжигать разогревшаяся на солнце почва.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.